

Американский аквариум

Вадим Кирпичев

Художник Е. Станикова

ФАНТАСТИКА

— Это было давным-давно, когда в Америке победил коммунизм. Выручать Штаты позвали меня.

Дед стал раскуривать свою ферцингорейскую трубку — память о сражениях с элдуйскими князьями. Раз сто он уже рассказывал, как в одиночку сокрушил империю планеты Таргар, но об Америке мы с пацанами слышали впервые.

Эх, на вечер мы хотели отпроситься в Париж и накостылять тамошним гаврошам, но сперва в лицее задержались, дома я бабкино блюдо разбил, у матери пирог подгорел — пришлось остаться. А насчет Америки дед никого не удивил. Четырнад-

цать лет у меня за плечами, кое-что видел и привык — вечно ее кто-нибудь спасает. Хлипкая она, Америка.

Дед пыхнул ферцингорейкой. И начал рассказ.

Я тогда собирался на звездную систему Гром Альпан — вернуть должок таргонским сатрапам, когда — стоп, пожалуйста в Мировое жюри. Как был при полном боевом параде, так и отправился... Захожу, смотрю на этот интеллектуальный цвет человечества — и что я вижу? Лица бледные, глазки бегают, волосы дыбом. Естественно, они никогда не

видели вблизи бойца первого отряда при полном космическом вооружении. Но ничего, подтянули они свои галстучки и давай тараторить: мол, на выборах в Америке победили коммунисты, и через месяц там состоится референдум по первой коммунистической поправке к американской конституции: «Властям закон не писан». А после принятия красной поправки гибель Штатов неизбежна.

Американская культура... Такую потерю человечеству в здравом уме мудрено заметить, но время-то было аховое. Как назло, Япония завершила исторический цикл, закрыла границы и только компьютеры вышвыривала, Атлантида по новой утопла, и что самое страшное: падение Америки грозило Кубе — этому оплоту свободного предпринимательства в западном полушарии. Доигрались...

Всегда так, пацаны! Сперва эти умники провалят выборы, сядут в лужу, со страху напакостят, а потом бросаются к нам, бойцам в космической форме. МЖ, одним словом! Напоследок президент Мирового жюри торжественно вручил мне билет до Нью-Йорка и кипу бумаг.

— Это рекомендации по спасению Америки. Подготовлены самыми гениальными аналитиками Земли, самыми блистательными мозгами человечества! К ознакомлению обязательны.

Я — человек культурный: бумаги опустил в мусорный бак, выйдя на улицу. Голова на плечах, сотый калибр на бедре, чего еще надо для спасения Америки?

Кто-то дышал за моей спиной... Когда этот «кто-то», после моего приема, выбрался из-под обломков витрины, я с трудом узнал его физиономию. Резервный отряд, зовут Васькес. У русских к кубинцами давняя дружба.

— Ох, здравствуй, Ваня! — Бедолага пытался улыбнуться. Ничего, не будет подкрадываться к бойцу первого отряда. — Я только хотел сообщить, что лечу с тобой, Ваня. Вот мандат Мирового жюри.

Обрывки бумаг полетели на обломки.

— Зачем ты так, Ваня?

— Я работаю один.

— Знаю, к чему тебе напарник... Но эти янки-коммунисты у нас, кубинцев, в печенках сидят. Возьми, а? Ведь и я был косагром...

«Был». Так вот почему у него глаза больной собаки! Косагр умирает дважды: первая смерть — отставка, и для нее есть только две уважительные причины: провал задания или...

— Да, Ваня, я женился.

— Вот как? Поздравляю.

Все-таки виной свадьба, эта первая смерть настоящего мужчины. Я отвел взгляд от глупца, обменявшего все дороги галактики на юбку. Жалкое зрелище!

— Так возьмешь, Ваня?

Русскую совесть давно терзает историческая вина перед кубинцами за перехваченный под самым их носом штатовский рынок автомобилей. И не по-русски — добивать мертвяка. Я протянул ему руку...

В порту Васькес бодро двинулся к нью-йоркскому аэропрыгу. Но у кубинца были явные нелады с математикой. Да, мы летим вышибать коммунистическую дурь из голов янки, но их — миллиард. Миллиард! За месяц я просто физически не успею обработать каждую красную американскую морду. Поэтому, хмыкнув, я повернул к «Рюриковичу», пятизвездочному космическому крейсеру. Прививку от коммунизма нам могли дать только звезды.

Поднимаясь по трапу крейсера, я и в мыслях не держал, что ничтожное задание Мирового жюри смертельно. Заяви мне такую глупость сам Создатель, да я бы расхохотался ему в лицо!

Разобраться с таргонскими сатрапами. Уничтожить иерархов планеты Зерок. Разгромить банды Лыс из Астероидного

леса. Добыть крылья бога-дракона Ван-Вейша... Грандиозные планы бередили мою душу. А всего пуще — неподъемный даже для космических агрессоров прошлого подвиг: пройти Дальние Миры. Сбросить с плеч ярмо тысячелетий, исполнить мечту всей моей жизни и проломить-таки невиданный путь. Дальние Миры...

Дед замолчал, уставился куда-то невидящим взглядом — будто в догорающий камин засмотрелся.

Неужели мой великий дед не справился с дохлым американским коммунизмом? Что, его одолели эти краснокожие янки?.. Мы с пацанами готовы были лопнуть от нетерпения, но на лужайке перед домом звенела тишина. Вон, у нашего соседа, чемпиона по боксу, до сих пор щека дергается, как поплавок. Почему? А ты не хмыкай, когда дедушка о Дальних Мирах вспоминает.

Камин потух...

Васькес заволновался, когда «Рюрикович» вынырнул в Плядах.

— Я думал, наше задание в Нью-Йорке.

— Ты не ошибся.

— А что мы делаем в космосе?

— Мог бы догадаться. Ищем планету победившего коммунизма.

— Божье мой! Неужели такая есть во Вселенной?

Пришлось поведать побледневшему до синевы креолу древнюю легенду о «Флаурмее».

Тыщу лет тому назад, когда на мир обрушилась безжалостная напасть русской конкуренции, отряд калифорнийцев отчалил к звездам, дабы навеки избегнуть этого дьявольского изобретения и там, в неведомых мирах, воссоздать земной рай. Назывался их корабль «Флаурмей». С той поры и бродят по галактике легенды о чудной планете, где построен сто-процентный американский коммунизм.

— Наша задача — отыскать эту планетку. Понял, Васькес?

Напарник кивнул, но в его глазах надолго остекленел вопрос: на хрена мне, кубинцу, еще и калифорнийский коммунизм?.. На хрена? Ничего, пусть подумает.

За три недели мы пропахали весь треугольник Электра — Астеропа — Майя, где, по слухам, скрывалась красная планета, но коммунизм по дороге не попадался. «Косагр не может не выполнить задания». Эта чеканная строка боевого устава все чаще гремела в моей голове. Нервничал и ничего не понимающий напарник. Пришлось обратиться к тонкостям теории.

— Что есть коммунизм, Васькес? Это заразная социальная чумка. И прививку от нее мы сыщем только в пораженном ею же организме. Конечно, ты скажешь, и теоретически будешь прав, что проще уничтожить Америку, но...

Тут теорию прервал возопивший благим матом кубинец:

— Божье мой, Ваня, взгляни на экран! Вот он, комьюнизм! Точно. Планета была в форме куба...

Да, пацаны. Отправляясь в земной рай, я взял самый большой калибр. И еще кое-что.

Пахло на планете неважно. Но ни заводов, ни дорог, только стальные пирамиды были видны вдоль горизонта. И маленький городок, красневший крышами в долине. Один на всю планету.

Где же коммунизм?

Лишь увидев первого колониста, я перевел дух. Это был ковбой без лошади. В черной шляпе, стройный, он палил из кольта по бутылкам. Мальчишка!.. Потом — рыбак, который удил в оранжевой реке.

— Как улов, браток?

Заржав, мужик посмотрел на меня с восхищением. Да, при коммунизме прослыть остряком — раз плюнуть.

— Ну ты даешь! Хлебни-ка, детина, — протянул бутылку рыбак, — сам гнал!

— Спасибо.

— Как знаешь. Да хранит тебя робот! — И он почему-то указал пальцем под землю.

Мне некогда было точить ляды с безумным мужиком: задание торопило. И тут я увидел ее.

Пацаны, когда-нибудь вы поймете меня. Это была настоящая женщина, а не нынешний суповой набор в брючках. Стоя на пригорке ко мне спиной, она малевала картину. Я не мог разглядеть цвет ее волос — столь крут был подъем.

— Превосходно!

Дама не испугалась. Здесь люди не боялись людей.

— Вам нравится?

— Очень.

— Я имею в виду картину, — уточнила она.

Пришлось отвести взгляд от ослепительной блондинки и уставиться на мольберт. Ну, нежная мазня.

— Как вам сказать... Для женщины — гениально.

— Понятно, — она могла не только улыбаться, — вы заурядный женоненавистник!

— Не припомню, чтобы обо мне мог так сказать хоть один человек. Из носящих юбку.

— Тогда в чем дело?

— Видите ли, в женщине, занимающейся искусством, всегда есть что-то жалкое.

Фыркнув, она вырвала из моих рук мольберт и обожгла взглядом. Этот взгляд обещал реванш. И меня аж в жар бросило от предвкушения этого реванша.

Надо ли говорить, с какой грацией блондинка спустилась с холмика? Задуманное ей удалось вполне. Убедившись, что я гляжу ей вслед, свистнула. И я, дурачок, тут же сорвался с места.

— Бегу, Джейн!

Да, ее звали Джейн. Спускаясь, она старательно не смотрела в мою сторону, феминистка...

Дед замолчал — опять в свой камин уставился. Только посасывал давно потухшую ферцингорейку.

Распахнулась дверь. Выскочившая на крыльцо бабка принялась лупить скалкой по диффузной пси-антенне. Бабушка обожала сериал «Похищение белокурой арверонки».

— Неделю прошу отремонтировать, но в этом доме нет мужчин!

В мою сторону не смотрела: взрослый человек, а всерьез дует из-за какой-то древней, трехсотлетней посуды.

Очередной удар чуть не снес бетонное основание пси-диффузки. Дверь захлопнулась.

Первым перестал изображать поваленную статую Колька, самый смелый из нас.

— А что такое феминизм, дедушка?

— Феминизм, Колька, это социализм дурнушек — самая страшная американская зараза. — Дед осмотрел свой кулак, габаритами с коробку от видеокуба. — Русским дамочкам иногда еще удается вправить иммунитет, но не американкам. Тут чистая медицина начинается. Маниакальное воспаление мозжечка, и все такое. Жуть. А я, честно скажу, не силен в медицине.

Дедушка раскопегарил трубку, а в моей голове искрой проскочила удивительная догадка: вовсе не по американским коммунистам скорбит он сегодня! Пока я поражался собственному интеллекту, мой старик продолжил.

Дурацкая, доложу вам, попалась планетка. Деревья пластмассовые, трава из капрона, а где газон износился — каблучки звенели по металлу. В городке ни банка, ни тюрьмы, ни аптеки, ни телефонов. В общем, рай. Вывеску нашел одну-

единственную: «Салун "Мэрия"». Конечно, никто и никогда не сыщет в галактике города без мэрии и салуна, но чтобы совместить городское управление с кабаком? Не силен я в американском самоуправлении, но здесь явно была его высшая точка.

К вечеру все там и собрались. Колонисты называли Джейн мэром. Она хлопотала за стойкой. Белокурые волосы, клетчатая мужская рубашка, плотно сидящая, как на мраморной Венере, юбка. Красавица! Она и не думала играть в незамечалки. Усадила рядом, поднесла стаканчик, улыбнулась. От ее удивительной улыбки, как от хорошей музыки, почему-то становилось жалко себя.

Вдруг на глаза попался сидевший в кресле старик. У него были явные нелады с ногами. Вот то, что мне надо! Я взял у Джейн клетчатый плед и задрапировал больного ниже пояса. Тот не возражал. Здесь никто не умел спорить. Почти.

Старик и поведал мне историю превращения планеты в аквариум. Все началось с умника, давшего роботам мозги. Колонисты сначала торжествовали: пусть железные чурки строят нам коммунизм, а мы не будем ни пахать, ни сеять — лишь срывать плоды с щедрого кибернетического древа. Взвалим обузу на стальные плечи!.. И роботы делали всё. Пока не изобрели механизм воспроизводства и не заполонили собою недра планеты, не перестроили ее в куб и не засадили своих создателей в аквариум. Так они стали для людей роботами...

Запомните, мальчишки! Никогда и никому не отдавайте нашу тяжкую мужскую ношу работы и воспроизводства!.. Ладно, продолжаю.

Сказав это, пронизательный старик заулыбался:

— Не думай, Ваня, есть вещь, которую мы делаем своими руками. Мы пошли против самих роботов! Поначалу роботы ломали наши изделия, но мы их собирали снова и снова. И мы победили, Ваня. Смотри!

И тут же кто-то из посетителей салуна вскочил и распахнул створки шкафа в углу.

Побери меня Большая Комиссия! Никогда не видел такого разнообразия унитазных бачков. Инкрустированные, под малахит, из чистого золота. Проклинал бы себя всю жизнь, если бы в тот миг не выразил полного восхищения.

— Уверен, что в будущем роботы позволят нам делать и унитазы! Только не дожидать мне до великого дня. — И по небритой щеке скатилась слеза. — Увы, Ванечка, недолго мне любоваться этой красотой. Вывих ноги — при коммунизме это смертельно. Да, раньше у нас хоть были специальные учреждения, где человека готовили к встрече со смертью, где каждый мог спокойно умереть. Больницами назывались. А теперь больных просто...

Старик поник. Остальные потупились.

И вдруг запахло машинным маслом. Стена с лязгом откатилась в сторону. Повалил кирпичный дым. Пол задрожал под грохочущими шагами. Гремя ржавыми крыльями, из провала выскочила хваткая парочка роботов, под четыре метра каждый. Ухватили крючьями кресло и поволокли жертву в механическую преисподнюю. Старик закатил очи горе. Остальные глаза опустили. Я поднялся.

— Ваня, не надо! — закричала Джейн, но мы уже сцепились. Первый робот развалился сразу, зато второй... Напряженным мускулом пришлось объяснить: рыбка ему попала не по зубам, а если по зубам, то кастетом.

Робот рухнул. Я вышвырнул металллом, задвинул стену, вправил старику ногу, а Джейн, раскрасневшаяся, строгая, наладила тем временем выход на улицу. Как ловко она управлялась с этими баранами, я не мог налюбоваться! Любовавшись и с тройкой напавших роботов разобрался машинально. Да, сотый калибр — удивительное оружие.

Дальше? На организацию бучи против господства роботов оставались секунды. Планета уже получила сигнал: в ее аква-

риуме завелась чересчур боевая рыбка. И для революции здесь было лишь одно подходящее место.

Рука на сканфере, унитазный бачок за спиной — к патриотической речи все готово. Но чем пронять сердца американцев?

Воздел бумажку в миллиард долларов. Ноль эмоций! Напомнил: ваши славные предки делали лучшие в мире автомобили, компьютеры и унитазные бачки. Они продавали хлеб самой России. Ничего!

— Проснись, американец! За тебя работает маслوماзый. Тобой помыкает баба. За мной, и мы перекуем куб на шар!

Никто не расправил плечи.

Тогда я смело бросился в историю:

— Мужики, вспомним великую дату — Четвертое июля!

Клоун на кладбище — так я выглядел. Только один в толпе, рыжий, заухмылялся.

— Эй, рыжий, в твоей душе не погибла гордость за славный день?

— Еще какой! — Рыжий расплылся до ушей и, придвинувшись ко мне, зашептал в ухо: — Не пойму, Вань, как ты узнал, что четвертого июля я попробовал сразу с тремя... Ну, ты понимаешь?

Я с отвращением слушал, а сам наблюдал, как батальон рогатых роботов надвигался на городок.

Оставалось взять последний аккорд.

— Эй ты, сопляк! — ткнул я пальцем в давешнего знакомого кобоя. — Быстро ко мне!

Красавчик сделал пару шагов и остановился. Ошметки мужской гордости!.. Я отстегнул сканфер и стал обзывать парня последними словами. Что ж, ковбой был великолепен. Точечная фигура, пальцы играют по бедру, скрип зубов, вот только губы дрожат. До чего пал американский герой — он не мог пристрелить безоружного человека. Пришлось выложить каре.

— Гляди, Джейн, чего стоит твой сосунок!

Выпад змеи, блеск молнии — все слилось в одно движение. Мастерский выстрел, но я успел сместиться всего-то метров на пять, зато с каким грохотом, в плеске воды, в брызгах осколков, посыпался унитазный бачок!

Всё. Какой там бунт против роботов? Под коммунизмом здешние мужики выродились в ничто...

Провожала меня Джейн.

С неба нас атаковали стальнокрылы. Бешено кидались шестикрышники. Я палил от души. На углы горизонта выдвигались боевые машины роботов. Планета бралась за дело всерьез.

— Осторожно, Ваня!

Мы взбежали на пригорок, за которым был спрятан мой космический бот. Светило закатилось за левый угол горизонта, и сразу стемнело. Мне лететь, а я все не мог налюбоваться ладной, крепкой фигуркой Джейн. Нет, такая не для калифорнийских большевиков!

— Джейн, милая! — Расстреляв тройку титанозавров, я ткнул дымящимся стволом в знакомую звездочку: — Смотри, этот огонек — Солнце. Самая прекрасная звезда галактики, Джейн! Там твоя планета и твоя родина. Другого такого шанса не будет — полетели вместе.

— Я боюсь, Ваня. Мне так спокойно живется при коммунизме. Здесь так хорошо мечтать, рисовать картины...

Ревели шестикрышники, бесновались и швырялись плазмой огнепалы, а я все пытался докричаться:

— Ты живая женщина, Джейн! Брось свои пейзажики, этот выморочный, фантастический мир. Счастье женщины на Земле. Там желтые поля, зеленые луга, голубые реки. Там настоящая жизнь, работа. Там есть больницы, Джейн! Ну, летим? Джейн, решайся!

— А замуж возьмешь?

Ого! Быстрота реакции явно моя.

ФАНТАСТИКА

— Это исключено. Женитьба погубит мою карьеру.

— Тогда, Ваня, лети-ка на Землю сам.

— Джейн!

— Ваня!

Она заплакала. Белокурые волосы разметались по моему плечу. И тут я впервые в жизни вздрогнул. Звезды стали гаснуть. Конструкция планетарных масштабов поднялась над горизонтом и сворачивала небо в трубочку.

— Весь мир мне не нужен без тебя, Ваня.

— Ну не могу я жениться!

— Тогда прощай.

Планетарная челюсть захлопывалась. Скатывались последние песчинки судьбы. А я смотрел в сверкающие звездами глаза Джейн и терзался выбором. Весь мир, с его славой, дорогами и подвигами или лучшая женщина этого мира? Дальние Миры или пеленки? Быть или жениться на американке? И нет ни секунды на раздумья! Ну почему человек никогда не готов к такому выбору?

Джейн прижалась к моей груди изо всех сил. Так прощаются навек...

Мы с пацанами переглянулись и дружно устались на деда. Хоть бы хны! Чистит веточкой ферцингорейку да знай себе в усы ухмыляется. Уж не рехнулся ли? Рассказ закончить и то толком не сумел. Странно. Не похоже на деда. Он у меня ничего, крепенький. А с годами даже умней становится. Вообще я заметил, что за последнее время все мои предки здорово прибавили в интеллекте. Кроме отца, конечно.

— Дед, и ты не смог победить коммунизм?

Это Колька переборщил: дедушка побагровел на глазах.

— Не болтай чепуху. Лучше запомни раз и навсегда: российский косагр не может не выполнить задания!

— А Штаты?

— Ха, Штаты! Я не зря зажигал все лампочки. На обратном пути мы с Васькесом смонтировали шикарный фильм. Когда миллионы янки увидели ковбоя, крушащего из кольта унитазный бачок, то тронулись все сейсмографы мира. Америка хохотала как сумасшедшая. С коммунизмом в ней было покончено навсегда.

— А Джейн ты взял на Землю?

Да, Кольке, к его смелости, еще бы кое-чего добавить.

— Хватит вам лясы точить. Ужинать бегом!

Это на крыльце показалась белая как лунь бабушка Женя и подмигнула любимому внуку. То есть мне. Простила! И тут я все-все понял. Слово в голове лампочка зажглась. И, вскакивая с травы, настоящей, не капроновой, и взлетая на крыльцо, я точно-преточно знал: самый любимый человек сейчас обнимет меня и улыбнется своей удивительной, волшебной улыбкой. Улыбкой ценой в мир!

Последним поднялся дед.